

Социальные изменения и трансформации сексуальности: обсуждение

*Майкл Растин, И.Ю. Романов
(Перевод с англ.: З.Р. Баблюян
Научная редакция: И.Ю. Романов)*

Растин Майкл – профессор социологии Университета Восточного Лондона, приглашенный профессор Тавистокской клиники и Университета Эссекса. Был главой кафедры социологии и деканом факультета социальных наук более 25 лет. В настоящее время проводит обучение в «Тависток и Портман Тресте» Национальной системы здравоохранения Великобритании, в программах последипломного образования в области психоанализа. Сооснователь и редактор журнала *Soundings* (1995) и проекта *Alternatives to Neoliberalism: the Kilburn Manifesto* (2015). Его собственные работы главным образом касаются культуральных и социальных приложений психоаналитических идей. Он также координирует серию программных публикаций *Soundings Futures* для журнала *Soundings*.

Романов Игорь Юрьевич – обучающий психоаналитик Украинского психоаналитического общества (стади-группы Международной психоаналитической ассоциации), психолог, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и практической философии имени профессора И.Б. Шада философского факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Редактор и составитель сборника «Эра контрпереноса», редактор переводов книг М. Кляйн, Р. Хиншелвуда, Дж. Стайнера и др., руководитель Программы кляйнианских семинаров в Украине, проводимых при поддержке «Мелани Кляйн Треста».

Ниже представлена публикация переписки, продолжившей дискуссию на онлайн-конференции Украинского психоаналитического общества «Психические изменения и социальные потрясения» (ноябрь 2020). Среди затрагиваемых тем: современные трансформации сексуальности, кризис неолиберализма, новые формы культурного Супер-Эго. Авторы по-разному оценивают некоторые процессы, акцентируя кризисные явления в современном западном и постсоветских обществах. Оба используют психоаналитическую методологию в анализе социальных процессов.

Ключевые слова: сексуальность, вытеснение, социальные защитные системы, неолиберализм.

09.11.20

Дорогой Игорь,

Спасибо за ваши вдумчивые комментарии к моему докладу на конференции, полагаю, у нас получилась действительно интересная дискуссия. Думаю, мой доклад оставляет желать лучшего, но, кажется, люди оценили попытки объединить в нем множество аспектов. Полчаса назад я услышал в новостях BBC объявление об изобретении вакцины, которая будет эффективной, – это был особенный момент... Это еще один аспект неравномерного и комбинированного развития. Я давно верил, что мы можем полагаться на науку в предотвращении как катастрофы изменения климата, так и вируса, и вот, наверное, второе подтверждается.

Я бы хотел прокомментировать несколько аспектов вашего доклада. Мне кажется, мы думаем похожим образом о ряде этих вопросов, но позвольте мне рассмотреть некоторые из них.

Во-первых, что касается тезиса Баумана о балансе между контролем и свободой, или, как можно сказать на языке психоанализа, о балансе между Супер-Эго и Ид. Бауман считал, и я с ним согласен, что Фрейд работал в период исключительного контроля и вытеснения. Он жил в иерархическом, патриархальном и религиозном обществе. (Знаете ли вы книгу Arno Mayer's book, *The Persistence of the Old Regime* (1982), в которой анализируются общества перед Первой мировой войной и появление модернизма?) Целью Фрейда было добиться некоторого облегчения этого гнета вытеснения. Он называл аспекты человеческой природы, о которых тогда нельзя было говорить с его современниками (сложные виды сексуальности, перверсии, детская сексуальность и т. п.). Его учение было влиятельным и способствовало значительному облегчению того вытеснения, которое мы видели в XIX веке. (Стали легализовываться гомосексуальные отношения, например.) Разумеется, учение Фрейда было не единственным, что тогда происходило. Есть рост массового потребления, городов, где социальный контроль соседей и семей был меньше, рекламы, кинематографа. Множество социальных инструментов, стимулирующих желание удовольствий. Маркузе писал об этом развитии, пусть даже оно не вело к социалистическому миру, которого он хотел. У Эрнеста Геллнера есть хорошее эссе Gellner, E. (1995) *Freud's Social Contract* (p. 62–93), в E. Gellner, *Anthropology and Politics*. Oxford: Blackwell, в котором, несмотря на свою прежнюю критику психоанализа в книге «Психоаналитическое движение», он хвалит Фрейда как человека, который помог создать общество, обеспечивающее удовольствие для обычных людей.

Аргумент Баумана состоит в том, что эта ситуация «де-вытеснения» теперь породила собственные тревоги. Ощущается, что Ид, так сказать, отбилась от рук. Сексуальность повсюду. Агрессивность тоже, и социальные медиа как одна из ее неконтролируемых форм выражения. Прикосновение к чужому ребенку может быть подозрительным: детские психотерапевты, которые десятилетия лечили детей в Тавистокке, вынуждены были представлять справки, что они не совершали правонарушений в отношении детей, чтобы работать в другом месте. Конечно, разоблачают много

настоящих злоупотреблений – со стороны влиятельных мужчин в отношении женщин (возможный сговор некоторых из этих женщин обычно не учитывается), существование групп педофилов, охотящихся на уязвимых детей в детских домах, и т. п. Но дело в том, что в этой атмосфере главный страх – перед вышедшей из-под контроля сексуальностью. Реакция против этого может быть очень примитивной – может быть мобилизовано очень суровое Супер-Эго, но, я думаю, это происходит потому, что на «обычное» Супер-Эго, на которое каждый мог рассчитывать, больше полагаться нельзя. «Нормального контейнирования» недостает, и негативная реакция на большую свободу женщин – часть этого. Полагаю, Бауман понял здесь кое-что важное. Интересный аспект в том, что психоанализ сам отчасти ответственен за эти перемены.

Вена и Берлин в период между 1890 и 1933 годами были в авангарде этих перемен, но их космополитическое меньшинство и богемные культуры, часть которых составлял психоанализ, были окружены другими мирами, им угрожавшими. Нацистская выставка «дегенеративного искусства» была одним из симптомов этой реакции.

Во-вторых, по вопросу о том, откуда берутся социальные патологии, от лидеров или от нарушенных обществ. Мне кажется, это очевидно интерактивная ситуация. Отбирается – или сама себя отбирает – личностная формация, которая затем взаимодействует с состоянием чувствования (state of feeling), которое она лучше всего может репрезентировать. Колоссальное недовольство и ненависть Гитлера в контексте унижения Германии – один пример. Комбинация успеха и обиды Трампа – другой. Оба зависят от отклика масс на их личности и их слова: Трамп ходил на свои митинги, чтобы перезарядиться. Такие лидеры – это и лидеры своих последователей, и их ведомые. Интересно будет посмотреть, что произойдет, когда Трамп покинет пост президента. Продолжит ли он функционировать как лидер для своей довольно большой паствы? Или другой лидер, озвучивающий часть того же недовольства и тех же обид, займет его место? Или же будет сделано достаточно для создания более обширного контейнирования в американском обществе, так что большинство обиженных развернут обратно в мейнстрим?

Не думаю, что мне следует обращаться к Фукуяме, чтобы разобраться в этих вопросах, хотя, полагаю, он прав в отношении того, как важно доверие к власти. Я бы сказал, что длительная, начиная с 1980-х, эрозия функций государства и связанных с ним институций гражданского общества в таких обществах, как британское, ослабила солидарность и породила нарциссические защиты от последовавшего состояния тревоги. Ключевой я считаю здесь связь между неолиберализмом как доминантной идеологией индивидуализма, рынка и частной собственности и нарциссическими личностями. В отсутствие адекватного контейнирования, или признания, граждане становятся особенно восприимчивыми к ложным и магическим типам контейнирования «бинарного» характера – с его мобилизующими ненавистями. Но эти феномены можно рассматривать как ответную реакцию также и на левых.

Интересно подумать о том, что произошло после падения коммунизма в Восточной Европе. Коммунизм в самом деле предоставлял некий вид контейнирования: экономическую стабильность, работу и социальную защиту, хотя и непривлекательных разновидностей по сравнению с кажущимися наслаждениями американского и западноевропейского общества потребления. Поразительно, что главная поддержка в Германии радикальных правых, выступающих против иммигрантов, поступила из бывшей Восточной Германии, от групп населения, которые потеряли прежние формы социальной защиты, но считались слишком отсталыми, чтобы найти множество возможностей обрести стабильность и признание в современном (modern) капиталистическом мире.

Те «современные» (modern) сегменты, которые способны процветать в этом новом мире, похоже, составляют меньшинство, тогда как «старый мир» (в реальности или фантазии) церкви, нации и патриархальной семьи возвращает свои позиции, например в Венгрии и Польше.

Это поднимает вопрос о том, возможно ли вообразить, что мог быть лучший переход от восточноевропейского коммунизма к «демократии», чем тот, что состоялся. Полагаю, в любом случае теоретически это возможно. Требовалось бы, чтобы он был более медленным, более консервативным в своем отношении к существующим институтам.

Этому переходу лучше было бы произойти не в период неолиберального триумфа 1980-х и 1990-х годов. Но социальная демократия Запада никогда не была достаточно сильной, чтобы привести к другому итогу, чтобы суметь увести в другое русло «борьбу не на жизнь, а на смерть» холодной войны. Меня продолжает удивлять, каким ненасильственным был этот переход в 1989-м, за исключением того, что потом случилось в Югославии, Украине и других окраинах СССР.

Мне будет интересно узнать ваши соображения по этим вопросам.

С наилучшими пожеланиями,
Майкл

10.11.20
Дорогой Майкл!

Большое спасибо за ваше письмо, комментарии и ссылки. Я надеюсь прочитать эти работы и написать об этом. И да, я согласен, что новости о вакцине весьма обнадеживающие, хотя для преодоления кризиса и потребуются некоторое время.

Я бы хотел кратко ответить на ваши проясняющие комментарии.

Вы детально поясняете мнение Баумана об изменениях в социальных вытеснениях, но, мне кажется, я понимаю его. (Возможно, стоит более внимательно прочитать его тексты, чтобы мое понимание изменилось.) Сходное мнение высказывал Ж. Бодрийяр много лет назад: мечта Маркузе о сексуальной революции осуществилась, мы живем после нее, но вопрос в том, стали ли мы более свободны? (Более или менее это соотносится с

мыслью Фуко о том, что «репрессивная гипотеза» больше не работает.) В той мере, в которой я понимаю эту линию размышлений, я не согласен с ней. Прежде всего, я думаю, мы упрощаем фрейдовскую концепцию вытеснения – благодаря Маркузе и другим мы путаем социальный процесс и психодинамический. Некоторые фрейдисты могли бы спросить: стали ли мы более свободны в нашей анальной сексуальности, садистических импульсах или в наших эдипальных желаниях? Или первичное вытеснение все то же и мы говорим лишь о различных дериватах влечений? И если так, можно думать, что разные культуры выбирают различные дериваты для обозначения их как патологических и т. п. и такая социальная таксономия накладывается на первично вытесненные импульсы. Во-вторых, я не уверен, что фрейдовское время было столь викторианским, как мы часто думаем. Например, границы между детской комнатой и спальней родителей, то есть взрослой сексуальностью, были намного более открытыми (из биографических источников мы знаем, например, что в родительской семье Фрейда отношения между сиблингами, детьми и родителями – включая сексуальность, роды, межпоколенческие связи – были порой шокирующе прозрачными). Если мы двинемся в глубь истории, то обнаружим гораздо большее количество сексуальной свободы, чем ожидали, например, в Средневековье (демографическая история многое открыла в этой области). И, как я уже говорил, Фрейд начал с теории соблазнения – то есть, можно сказать, с наших сегодняшних страхов в отношении злоупотреблений. В-третьих, я уверен, что наша культура так же репрессивна, как и другие, но, возможно, в других аспектах. Это различие в качестве и цели вытеснений, а не в количестве. Возможно, мы должны «понизить уровень» нашего наблюдения, как часто говорила Бетти Джозеф. Роберт Столлер писал в статье о Фуко, что худшее место, куда вы можете направиться, чтобы постичь свою сексуальность, – это библиотека. Если мы взглянем на некоторые статистические исследования, например Института Кинси, мы найдем не так много изменений в сексуальном поведении, страхах и торможениях в течение последних десятилетий, как могли бы ожидать. На другом же уровне, идеологическом, наша новая «культура обиды» (страх злоупотреблений и т. п.) создает некий новый викторианский этос (например, гомосексуальная активность становится более приемлемой, но многие формы гетеросексуальной активности, считавшиеся нормальными в прошлом, теперь маркируются как патологические и патогенные). Это в-третьих. Наше особое внимание к теме злоупотреблений, травм и т. д. – не «статистический факт» (о чем и вы, и Бауман упоминаете). У нас не появилось больше злоупотреблений из-за недостатка вытеснений. Скорее мы стали более чувствительны к ним. Это стало результатом роста индивидуализма (или, если хотите, нарциссизма) и исторически нового акцентирования таких чувств, как стыд, обида и т. д. Я думаю, последнее – интересная тема для социологии и истории эмоций. (Я упоминал в связи с этим работы российского историка А. Зорина.)

Я полностью согласен с вашим следующим пунктом, относящимся к взаимодействию индивидуальной/социальной психопатологии. Даже более того, я больше согласен с вашим видением лидера как функции группы, что вы озвучиваете в докладе. (Кстати, я коротко писал о президентской речи Трампа с точки зрения анализа Р. Мани-Керлом пропаганды Гитлера и Геббельса...) Однако в комментариях я фокусировался больше на противопоставлении чисто социологического и психологического/психодинамического объяснений. Я полагаю психодинамику групп важным фактором. Тавистокская модель, о которой вы много пишете, кажется мне релевантной для анализа таких феноменов.

Следующая тема может быть спорной не столько в научном, сколько в политическом смысле. В определенной мере я согласен с вашей идеей о том, что трансформация советской системы в либерально-капиталистическую была слишком болезненной и, возможно, не учитывала защитные и/или оберегающие (контейнирующие) аспекты советской системы. Это привело к регрессивным трансформациям социальных и политических систем в постсоветских странах. Интересно, что, несмотря на поверхностные политические различия – революционные процессы в Украине, неоимпериалистические тенденции в России, жесткий авторитаризм в Беларуси, – на более глубоком уровне мы находим больше сходств. Мы обнаруживаем неопатримонализм в политико-экономической системе, поворот к демодернизации или чему-то вроде естественного государства в терминах Д. Норта... На уровне идеологий мы видим ренессанс некоторых наиболее примитивных: национализм, империализм, социальный дарвинизм и т. п. (возможно, здесь можно обнаружить некий социальный закон: если группа утрачивает некую контейнирующую структуру, она создает более примитивную). Я думаю, мы более или менее согласны в этом пункте. Однако дальше я могу размышлять лишь на основе своей жизни в Советском Союзе. ...Трудно описать атмосферу деморализации последних лет советского режима. Он не мог выжить ни в какой форме – скрытая ненависть и депрессия присутствовали повсеместно. СССР разлагался изнутри, а не под воздействием или по плану Запада (хотя такие намерения и могли у кого-то существовать). Когда советская система рухнула, ни я, ни многие люди из весьма разных слоев общества, с которыми я контактировал, не чувствовали ничего, кроме энтузиазма. И потому, когда через десять лет и более стала распространяться версия «катастрофичности» этого распада, я ощущал какую-то дереализацию. Полагаю, были некие страты населения, которые действительно пострадали от этих изменений. Советская номенклатура, например. Жители маленьких городов, где было одно работающее предприятие, переставшее работать. Но для большинства что-то изменилось в восприятии этого исторического момента позднее, и я вижу в этом пример фрейдовского последствия, *apres-coup*. Можно посмотреть на это и как на последствие нарциссического удара, как на фантомные боли утраты империи (о чем британцы знают не понаслышке).

Последняя мысль возвращает меня к вашей идее неолиберализма как нарциссизма. В определенном смысле я согласен с этим. ...Но очень

сложно измерить, что разрушало солидарность и доверие больше – социальный дарвинизм Запада или советский тоталитаризм. Существуют интересные антропологические исследования жизни людей в советских коммунальных квартирах (С. Ушакин) – с их атмосферой недоверия, подозрительности, скрытой борьбой за приватность и собственность. Как я писал в своих комментариях, мы видим сегодня последствия этого способа жизни – в общем пренебрежении общим пространством и трудностью совместного действия (возможного лишь на параноидной основе – против кого-то).

В целом, я думаю, мы живем в трудные, но интересные времена. Весь мир меняется... Никто не знает, что будет дальше. Я очень благодарен за эту дискуссию и надеюсь продолжить ее. И прочитать ваши новые публикации.

Всего наилучшего,

Игорь

13.11.20

Дорогой Игорь,

Я рад, что мы наконец синхронизировали нашу переписку.

Согласен с вашими вторым и третьим замечаниями. Конечно, я никогда не жил при советском коммунизме и полностью признаю, чем он был и почему освобождение от него казалось столь обнадеживающим.

Но я не согласен с вашими соображениями о социальном и историческом контекстах вытеснения. У Геллнера есть интересное наблюдение насчет этого, что Фрейд и психоанализ изменили ситуацию относительно того, о чем можно и нельзя было думать и говорить и что должно было оставаться «тайной».

Разумеется, в XIX веке секс был повсюду и всегда есть (Фрейд указывал в том числе и на это). Но я думаю о том, как скованны, заторможены были наши родители в этих вопросах по сравнению с нами и мы по сравнению с нашими взрослыми детьми: между этими поколениями есть различия. Рок-н-ролл действительно репрезентировал массовое растормаживание.

Думаю, Маркузе был прав, связывая это с переходом от общества, ориентированного на производство (которое требует отсрочки и торможения удовольствия – или человек получает его в пьяном бегстве с шахты или фабрики на выходных), к обществу, ориентированному на потребление, в котором вся экономика зависит от стимуляции желаний, зачастую сексуальным образом. Психоанализ стал ресурсом для стимуляции желаний, например через рекламную индустрию (учитывая роль в ней родственника Фрейда Эдварда Бернейса). Маркузе усматривал сходство между культурой накопления в Советском Союзе и эквивалентной более ранней фазой на Западе, и я считаю это проницательным

наблюдением. Гомосексуальные отношения были незаконными в Британии до 1960-х годов.

Я не слишком высокого мнения о критике этого поворота со стороны Маркузе – его разочарованном видении утопии, которая могла бы состояться, что повлияло на радикальную культуру 1960-х. Позиция Баумана в этом отношении гораздо более реалистичная и уравновешенная, он отмечает колебания между восприятием общества как слишком контролирующего и репрессивного (repressive) – и тревогами, возникающими, когда контроль, как внешний, так и внутренний, пропадает. Проблема состоит в том, что Бауман практически не излагал свои идеи на эту тему, хотя он все же написал хороший обзор исторической работы Норберта Элиаса, который задает для этого более широкий контекст...

Одна из привлекательных сторон литературы XIX века и ее превосходных экранизаций для кино и телевидения – это привлекательность мира, в котором сексуальность присутствует, хоть и сублимированная, контейнированная церемониями и ритуалами, но из-за этого еще более могущественная. Думаю, многое изменилось в этих сферах жизни за более чем 100 лет, и психоанализ был и среди причин этих перемен, и их отражением. Психоанализ позволяет нам исследовать их значение и последствия.

Всего наилучшего,
Майкл

Social changes and transformations of sexuality: discussion

Michael Rustin, I.Y. Romanov
(Translated from English: Z. Babloyan
Scientific editor: I. Romanov)

Michael Rustin – a Professor of Sociology at the University of East London, and a Visiting Professor at the Tavistock Clinic and at the University of Essex. He was Head of Department of Sociology and Dean of the Faculty of Social Sciences over 25 years, until his partial retirement in 2003. Since then his main teaching work has been at the Tavistock and Portman NHS Trust, on postgraduate courses in the field of psychoanalysis. He was a co-founding editor, with Doreen Massey and Stuart Hall, of the journal *Soundings* in 1995. After many years work together on *Soundings*, he co-edited with them *Alternatives to Neoliberalism: the Kilburn Manifesto*, in 2015. His own work has been substantially concerned with the cultural and social applications of psychoanalytic ideas. He is now coordinating a programmatic series *Soundings Futures*, for *Soundings*.

Romanov Igor Yur'evich – a training analyst of Ukrainian Psychoanalytic Society (IPA study-group), psychologist, Ph.D., Associate Professor of J.B. Shadt department of theoretical and practical philosophy of V.N. Karazin Kharkiv National University philosophical faculty. An editor of “Era of countertransference”, an editor of translation of M. Klein, R. Hinshelwood’s, J. Steiner’s and other books, a Head of Ukrainian Kleinian seminars program, supported by Melanie Klein Trust.

It is a publication of correspondence which is proceeded the discussion at the online conference of the Ukrainian Psychoanalytic Society "Psychic Changes and Social Upheavals" (November 2020). Among the issues – modern transformations of sexuality, crisis of neo-liberalism, new forms of cultural superego. The authors emphasize the different aspects of processes, focusing on problematic phenomena of modern Western and post-Soviet societies. Both use a psychoanalytic methodology in analysis of social processes. Keywords: sexuality, repression, social defensive systems, neo-liberalizm.